

Симонова Т.М.

*История страны и московского дворца (палаты князя Пожарского – дворец
губернатора Ростопчина)*

Рубеж XVI – XVII вв. – Смутное время, эпоха огромных испытаний для молодого Российского государства – символ и пример для потомков. Как известно, 21 сентября 1610 г. (даты даны по ст. стилю) бояре открыли ворота Кремля гетману Жолкевскому с войском. Шляхтич Самуил Маскевич, литвин по происхождению, прибывший в России в 1609 г., оставил нам «Дневник (1594 – 1621 гг.)», который содержит воспоминания об этом грустном периоде в истории Москвы и Российского государства.

Читать Маскевича очень интересно: он прожил в столице несколько лет, успел узнать особенности московской жизни и даже сделал несколько важных выводов для себя, сопоставляя характеры поляков и русских («москвитян»). Он записывая то, что видел сам, или передавал рассказы своих соплеменников¹.

«В беседах с Москвитянами, - записал польский шляхтич, - наши, выхваляя свою вольность, советовали им соединиться с народом Польским и также приобрести свободу. Но Русские отвечали: “Вам дорога ваша воля, нам неволя. У вас не воля, а своеволие: сильный грабит слабого; может отнять у него имение и самую жизнь. Искать же правосудия, по вашим законам, долго: дело затянется на несколько лет. А с иного и ничего не возьмешь. У нас, напротив того, самый знатный боярин не властен обидеть последнего простолюдина: по первой жалобе, царь творит суд и расправу. Если же сам государь поступит несправедливо, его власть: как Бог, он карает и милует. Нам легче перенести обиду от царя, чем от своего брата: ибо он владыка всего света”. Русские действительно уверены, что нет в мире монарха, равного царю их, которого по сему называют: *Солнце праведное, светило Русское*²».

Сообщая о положении в Москве в период Великого Поста, когда Дмитрий Пожарский, организатор первого сопротивления, в 1611 г. уже находился в столице и готовил восстание, Маскевич записал: «...москвитяне замыслили против нас измену; наши остереглись и уже не отрядами, а целым войском держали стражу, готовясь к отпору, как бы в военное время; от Рождества до самого Крещения, доколе не разъехались Москвитяне, мы не расседывали коней ни днем, ни ночью. Русские заметив это, отложили свое намерение до удобнейшего времени желая захватить нас врасплох, без

---

¹ Все цитаты из Дневника даны с этого интернет-источника:
<http://www.vostlit.info/Texts/rus12/Maskevic/frametext1.htm>

² «Солнце праведное» - Так в ранней христианской (Византийской) гимнографии обозначают Иисуса Христа.

потери своих. Уже нельзя было покойно спать среди врагов так сильных и жестоких; единственным средством к спасению оставалась мужественная оборона и победа».

Центр Москвы описан им весьма подробно. «До прихода нашего все три замка [Кремль, Китай-город, Белый город – Т.С.] обнесены были деревянною оградой, в окружности, как сказывают, около 7 Польских миль, а в вышину в 3 копья. Москва река пересекала ее в двух местах. Ограда имела множество ворот, между коими по 2 и по 3 башни; а на каждой башне и на воротах стояло по 4 и по 6 орудий, кроме полевых пушек, коих так там много, что перечесть трудно. Вся ограда была из теса; башни и ворота весьма красивые, как видно, стоили трудов и времени. Церквей везде было множество и каменных и деревянных: в ушах гудело, когда трезвонили на всех колоколах».

На Страстной неделе, 29 марта, во вторник, начались бои ополченцев с оккупантами: «сперва в Китае-городе, где вскоре наши перерезали людей торговых (там одних лавок было до 40.000); потом в Белом-городе; тут нам управиться было труднее: здесь посад обширнее и народ воинственнее». Застава Дмитрия Пожарского стояла между Введенской церковью³(на углу пересечения с Кузнецким мостом) и его палатами - домом (ныне - Старая Лубянка, 14).

«Русские свезли с башен полевые орудия и, расставив их по улицам, обдавали нас огнем, - продолжал шляхтич, -мы кинемся на них с копьями; а они тотчас загородят улицу столами, лавками, дровами; мы отступим, чтобы выманить их из-за ограды: они преследуют нас, неся в руках столы и лавки, и лишь только заметят, что мы намереваемся обратиться к бою, немедленно заваливают улицу и под защитою своих загородок стреляют по нас из ружей; а другие, будучи в готовности, с кровель, с заборов, из окон, бьют нас самопалами, камнями, дрекольем. Мы, т. е. всадники, не в силах ничего сделать, отступаем; они же нас преследуют и уже припирают к Кремлю». В боях князь Пожарский был ранен, его вывезли через Троице-Сергиев в имение, что обернулось трагедией для Москвы.

Полякам, замкнутым в ограниченном пространстве, приходит в голову мысль сжечь Москву: «мы не могли и не умели придумать, чем пособить себе в такой беде, как вдруг кто-то закричал: огня! огня! жги дома! Наши пахолики⁴ подожгли один дом: он не загорался; подожгли в другой раз, нет успеха, в третий раз, в четвертый, в десятый, — все тщетно: сгорит только то, чем поджигали; а дом цел. Я уверен, что огонь был заколдован. Достали смолы, прядева, смоленой лучины, и тут едва успели запалить этот дом; тоже

³ Церковь Введения, построена в 1514-1518 гг. зодчим Алевизом и была снесена большевиками в 1924 – 1925 гг. Алевиз «Новый» – Алоизо Ламберти да Монтаньяна, попал в Москву по приглашению Ивана III после того, как выстроил хану Менгли-гирею Бахчисарайский дворец.

⁴ Пахолик (устар.) – мальчик, парень.

делали и с другими домами, где кто мог. Наконец занялся пожар: ветер, дующий с нашей стороны, погнал пламя на Русских и принудил их бежать из засад; а мы следовали за разливающимся пламенем, пока ночь ее развела нас с неприятелем, Все наши отступили к Кремлю и Китаю-городу....

В четверг⁵ мы снова принялись жечь город; - продолжал записывать польский шляхтич, - которого третья часть осталась еще неприкосновенною: огонь не успел так скоро всего истребить. Мы действовали в сем случае по совету доброжелательных нам бояр, которые признавали необходимым сжечь Москву до основания, чтобы отнять у неприятеля все средства укрепиться. И так мы снова запалили ее, по изречению Псалмопевца: “град Господень измету, да ничтоже в нем останется”. Смело могу сказать, что в Москве не осталось ни кола, ни двора». Три дня горела Москва, «пожар истребил всю красоту Москвы. Уцелели только Кремль и Китай-город, где мы сами урывались от огня; а в последствии Русские сожгли и Китай-город; Кремль же мы сдали им в целости».

Перемены в столице начались после того, как 5 апреля из Рязани прибыл Прокопий Ляпунов с 80-ти тысячным войском, на следующий день – донской атаман Иван Заруцкий с 50-ти тысячным войском. К ним присоединился атаман Андрей Просовецкий. Шляхтич записал в Дневнике: «враги расположились у Симонова монастыря над Москвою рекою, почти на милю от крепости; ближе негде было укрыться: пожар все истребил». Патриарха Московского и Всея Руси Гермогена, как «главного виновника мятежей Московских, отдали под стражу», через полгода в заключении он скончался.

Но в конце 1611 г. Пожарский возвращается из своего имения, где залечивал раны, а в 1612 г. Москва силами московского сопротивления во главе с Пожарским и Ляпуновым была освобождена от захватчиков. С 22 по 26 октября длилась осада Кремля, которая закончилась капитуляцией поляков.

Палаты Пожарского до нашего времени сохранились лишь в основании Дворца губернатора Москвы Федора Васильевича Ростопчина (Большая Лубянка, 14). В Москве у Пожарского было большое поместье – территориально: дома с 12 по 16 на Большой Лубянке. Но сохранилось только это здание - дом губернатора. Именно в нем в ночь с 1 на 2 сентября он собрал своих агентов – нанятых за деньги бродяг, и распределил между ними точки еще одного пожара -1812 года: этот факт известен всему миру из «Войны и мира» Л.Н. Толстого.

Парадоксально, но с 1884 г. в нем размещалось правление Московского страхового от огня общества. В первые годы Советской власти – Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ), наследник ВЧК и предшественник КГБ-ФСБ.

---

⁵ Четверток – четверг.

Уникальное историческое здание, место памяти россиян, в начале приватизации было выведено распоряжением Б. Ельцина из федеральной собственности и передано Инкомбанку, который перепродал его, чем обрек на постепенное разрушение. По требованию и искам «Архнадзора», с 2009 по 2014 гг. удалось добиться решения судов о возврате памятника федерального значения в государственную собственность. Но Росимущество не заключает договор купли-продажи памятника культуры федерального значения, т.к. не может выплатить собственнику сумму выкупа из бюджета (за счет налогоплательщиков).

В настоящее время здание находится в жутком состоянии – оно разрушается на глазах, реставрация его не происходит. 9 октября 2015 г. Архнадзор с представителями Мосгорнаследия организовали пресс-тур, который ужаснул видавших виды журналистов: уникальный памятник нарышкинского барокко с домом князя Пожарского в основании пережил две интервенции, но не устоял перед приватизацией.

